

Вера Колочкова

Вера, надежда, любовь

Часть сборника
Вера, надежда, любовь (сборник)

Вера Колочкова

Вера, надежда, любовь

«Автор»

2006

Колочкова В. А.

Вера, надежда, любовь / В. А. Колочкова — «Автор», 2006

ISBN 5-17-034844-4

Маша влюбилась в Арсения, как только увидела. Ни собственное замужество, ни рождение дочери не ослабили отчаянного тайного чувства. Маша терпит отвратительный характер жены Арсения Инны ради возможности каждый день видеть любимого, работать с ним, быть его правой рукой на фирме. Появление амбициозной молодой женщины рядом с Арсением угрожает не только положению жены, но и положению верной и преданной Мышки...

ISBN 5-17-034844-4

© Колочкова В. А., 2006

© Автор, 2006

Вера Колочкова

Вера, надежда, любовь

Какой замечательный шел дождь! Будто кто-то на небесах дернул за веревочку, открывая неведомую преграду, и на землю сплошным потоком обрушился благодатный июньский ливень, отчаянный и шумный, безжалостно ломающий тонкие стебли цветов и наполняющий душу радостью дачного летнего бытия. В такой дождь чувствуется движение жизни. Конечно же обманное. Сейчас, сейчас он закончится, и обязательно произойдет что-то очень хорошее. Знаменательное. Значительное. Или просто перемены какие-нибудь. А пока можно стоять и смотреть, как буйные тяжелые капли норовят залететь на веранду, подбираясь все ближе и ближе. Как весело разбиваются у ног, обдавая их мелкими колючими брызгами.

Запахло горелым. Маша нехотя оторвалась от созерцания разбушевавшейся не на шутку водной стихии, вернулась на кухню. Так и есть, котлеты можно выбрасывать. Подгорели. Придется снова размораживать фарш, лепить новые. Что ж, времени у нее навалом. Все еще спят после вчерашних посиделок с шашлыками, выпивкой да обязательным ночным купанием в теплой мелкой речушке. И неизвестно, сколько еще проспят.

Вот всегда так! Они, значит, дрыхнут, а она должна мыть вчерашнюю посуду и готовить обед. А все потому, что алкоголя терпеть не может. Не умеет она, как Инна, красиво раскрепощаться, блестеть глазами, громко хохотать над своими же злыми и циничными шутками, направленными чаще всего в ее, Машину, сторону... Нет, где справедливость, а? Почему ясная голова за похмельную отвечает? Почему ей приходится ждать, когда изволят проснуться Инна с Арсением, хозяева дачи, и ее муж Семен? Половина воскресного дня как в воду канула, скоро уже и домой собираться пора. Завтра на работу...

Она так вчера и не осмелилась спросить у Арсения, что с ним происходит в последнее время. За весь вечер он не сказал и двух слов. Морщась, через силу пил водку, выплескивая остатки в траву, смотрел на Инну тяжелым осатанелым взглядом, двигал желваками, курил одну сигарету за другой. Что у него могло случиться? Дела в его фирме вроде идут нормально. Она-то уж точно знает. Недаром проработала у него юристом больше пятнадцати лет. И не столько юристом, сколько правой рукой, доверенным лицом, другом и советчиком. А по совместительству еще и службу лучшей подруги его жены исполняла. А что, иначе и не скажешь. Именно службу. Просто так дружить с капризной и самоуверенной Инной трудно, наверное. Служить – это вернее будет.

А с Арсением и впрямь что-то неладное творится... Неужели все-таки влюбила его в себя эта юная стерва Алена, новая секретарша, длинноногая короткобочная блондинка? Да нет, это было бы уж слишком пошло. Арсений не такой...

От скрипа разошедшихся ступеней она вздрогнула и обернулась. По лестнице тяжело спускался Семен, осторожно глядя под ноги, отвратительно громко скребя ногтями рыжую грудь. Удивительно, как это в человеке все может быть таким рыжим: и волосы, и кожа, сплошь покрытая веснушками, и ресницы, и даже цвет глаз – все абсолютно рыжее, без единого просвета. Даже тусы на нем были светло-коричневые, некрасиво съехавшие с уже довольно выпуклого брюшка. Маша передернула плечами, снова принялась шинковать капусту для салата. «Вот, с мысли сбил... О чем же я думала? Ах да, о новой секретарше...»

– Маш, может, домой поедем? Варька там одна.

– Ну и хорошо, что одна! Сидит, к экзамену готовится! Мы ей только мешать будем. Вечером поедем...

– Поедем, Маш! Надоело мне уже тут. И Сенька вчера злой сидел весь вечер... А может, он на нас злится?

– Какой он тебе Сенька? Его вообще так никто не называет!

– Ну, если он меня Семкой зовет, то почему он не Сенька? Тоже мне, развели иерархию. Арсений – значит, Сенька! И почему ты опять на кухне торчишь? В конце концов, это мы здесь гости, а не они! Пусть твоя подружка поднимет хоть раз свою задницу да сделает что-нибудь сама!

– Сема, прекрати! Я знаю, что делаю! Не зли меня! Скажи лучше, есть будешь?

– Да я-то что, мне ж за тебя обидно...

Семен вышел на веранду, постоял, раскинув руки в стороны. Сладко и с хрустом потянулся.

– Красота-то какая! Дождь прошел, клев хороший будет... Маш, я на речку! Ты не знаешь, где у Сеньки удочки?

– Иди-иди... В сарае какие-то удочки были, посмотри... И не смей называть его Сенькой, слышишь?

Ну что ж, вот и обед готов. Маша поставила в холодильник заправленный маслом салат, сняла с плиты сковороду с котлетами. Выйдя на веранду, увидела подъехавшую к воротам красную Ленкину «девятку», пошла навстречу по мокрой траве. Вот и накормить есть кого...

С Ленкой Найденовой Маша дружила уже двадцать лет, с тех самых пор, как поселилась с ней в одной комнате общежития юридического института. Господи, какими смешными они тогда были... Она, Маша, классическая провинциалка, по-деревенски неуклюжая, с мышинным серым хвостиком стянутых аптекарской резинкой волос, и Ленка, детдомовский ребенок, вечно голодная, настороженная, готовая к стремительному нападению на любого обидчика, своего ли, Машиного ли – все равно. Потом довольно-таки странным образом в эту дружбу занесло и Инну Ларионову, самую красивую девочку на их курсе. Инна жила тогда с папой и мамой, в хорошей городской квартире, была единственным и любимым ребенком, никогда ни в чем отказа не знающим. Она и в юридический-то захотела так, от фонаря, начитавшись детективов суперпопулярного в те времена Юлиана Семенова, и поступила по благу, по папиному звонку, в отличие от Маши и Ленки, которым пришлось в те времена ой как поднапрячься, чтобы набрать проходной балл. Это сейчас юридического факультета не организывает только ленивый ректор любого вуза, а тогда, двадцать лет назад, он давался либо упорным, либо родившимся, как Инна, с серебряной ложкой во рту.

– Привет, Мышь... – Ленка, чуть приобняв, прижалась щекой к Маше, изобразив красиво накрашенными губами поцелуй. – Как вы тут без меня? Ларионова, наверное, опять напилась как свинья? Обижала тебя, Мышонок?

– Да ладно... – махнула рукой Маша в сторону дома. – Рассказывай, как свидание-то прошло?

– погоди, давай Инку разбудим. Чего ж я стану два раза про одно и то же?

Пока Маша раскладывала по тарелкам салат и горячие еще котлеты, Ленка, подталкивая в спину, спустила по лестнице хнычущую Инну, лохматую и бледную, в элегантной шелковой цвета теплых сливок пижаме, слегка подпорченной пятнами от не смытой вечером с лица косметики.

– Мышь, чаю крепкого сделай... – капризно не то попросила, не то приказала Инна. – Ой, как мне плохо... Ленка, ну зачем ты меня разбудила!

– А хватит дрыхнуть! Пить меньше надо! У подруги судьба решается, прояви участие! И вообще, ты здесь хозяйка или Мышонок? Негоже больше гостей напиваться-то...

– Да отстань! Мышь и без меня все сделает... Чего ты ко мне привязалась? Давай рассказывай лучше, что у тебя там... Стоящий хоть мужик?

– Да черт его знает... – задумчиво начала Ленка, принимаясь за салат, – ничего вроде, только скучный очень! Вот объясните мне, девочки, почему так происходит? И не урод, и не дурак, и интеллектом не обижен, а пообщаешься, и такое чувство, будто овсянки без соли и сахара объелась! Тоска...

– Мышь, ну чай будет или нет, в конце концов?... Я ведь умру сейчас! – капризно запричитала Инна, глядя куда-то в потолок. Откинув назад шикарные белые локоны, сердито замолчала, всем своим видом показывая, как трудно дается ей это утреннее насилие над организмом, которому положено еще спать да спать, перерабатывая остатки злого похмелья. Потом, развернувшись всем корпусом к Лене, многозначительно произнесла: – А что? Овсянка, между прочим, штука полезная... Желудок здоровее будет. Да и вообще... Вот ты поживи-ка с моим Арсюшей, каждый день понервничай с мое! Это тебе не овсянка, а скорее сырокопченая колбаса! Очень вкусно, когда ешь, а потом кишки в трубочку сворачиваются... Нет, Ленка, овсянка – это очень даже не плохо! Правда, Мышь?

– Я не знаю...

– А чего это ты не знаешь? Твой Сема, между прочим, – классическая овсянка! Ну, может, с хреном и перцем, а по сути – преснятина...

– Нет, Сема не овсянка! – тихо произнесла Маша. Так тихо, что никто ее и не услышал.

Ленка, уплетая уже третью котлету и обращаясь в основном к Инне, торопливо рассказывала:

– Вы же знаете, у меня на сегодняшний день только два претендента на руку и сердце. Хотя вернее будет так: на сердце претендует вчерашний, который Овсянка. Господи, девки, из него ж любые веревки вить можно! Будет носки стирать и воду пить! Но каша есть каша, на третий день от одного вида затошнит... А другой – как ты, Инка, говоришь – чистая копченая колбаса! И вкусно, и вредно! И хочется, и колется! Только вот сердце мое ему и на фиг не нужно!

– Ленк, а чередовать их никак нельзя? Неделя – копченая колбаса, неделя – желудок лечим, а?

– Инка, ты о чем? Я вообще-то замуж хочу, чтобы и в горе, как говорится, и в радости... Чтобы семья настоящая была, муж настоящий! Моя Катька вот-вот замуж выскочит, и останусь я одна... Да и вообще, фамилию сменить надо! Не хочу быть Найденовой! У нас в детдоме много Найденовых было. Кого на вокзале нашли, кого на крыльцо подбросили. Меня, например, из пригородной электрички принесли... Я ж в нормальной семье никогда не жила, вот и не знаю, что лучше: тоскливая жизнь с овсянкой или как у тебя, Ларионова, – красивая, но с постоянным дискомфортом в эпигастральной области.

– Не знаю, не знаю... Я бы с Машкиным Семей и дня не прожила! – развернулась Инна к стоящей у окна Маше, держа обеими руками большую красную кружку с зеленым чаем. – Мышь, а тебе не противно? У него ж вся кожа в веснушках...

Маша молчала, смотрела куда-то вдаль, поверх высокого забора, внимательно разглядывая кусок ярко-голубого неба, ограниченного пределами кухонного окна. Потом повернулась к Ленке, тихо сказала, улыбаясь:

– Ленусь, а ты нас познакомь... И с Овсянкой, и с Колбасой, по очереди. Вот тогда и посоветуемся!

– Слушай, а это идея! Молодец, Мышонок!

– Все, договорились! – тут же подхватила Инна. – В следующий выходной вези сюда претендента! Кому первому будем смотрины устраивать? Я лично предпочитаю колбасу, и чем сырокопченее, тем лучше.

– Нет, девочки! В следующий выходной мы втроем едем в деревню к Овсянке, он временно там с мамой живет. Вы, конечно, в наши планы не входите, но я представлю вас моими бедными родственницами, скажу, хотите в бане с мылом помыться...

Инна расхохоталась громко, с удовольствием, запрокинув красивую голову. Маша лишь улыбнулась сдержанно, опять отвернувшись к окну. Ленка подобрала с тарелки хлебным мякишем последние крошечки, поглаживая себя по животу, задумчиво посмотрела на большую сковородку с котлетами. Потом решительно отодвинула тарелку, встала из-за стола:

– Все, пошли купаться! После дождя вода теплая, мягкая, для кожи полезная!

– Ну ты ж еще не Овсянкина жена, чтобы о пользе думать!

– Ларионова, не рассуждать! Иди купальник надевай! Мышонок, ты идешь?

– Нет, я посуду помою...

– Инка, тебе не стыдно? – уже от двери обернулась Лена к Инне. – Она что у тебя здесь, горничной служит? Или кухаркой?

– Да ладно тебе, Лен... – скривила ухмылкой губы Инна, глядя в Машину спину. – Ты же нашу Мышь знаешь. Пока она своего начальника не накормит, с места не сдвинется! Тоже мне, преданный юрисконсульт Арсения Ларионова... И на службе, и в быту... Служи, Мышонок, служи!

Маша грустно провожала их глазами, пока они шли по двору, потом помахала рукой обернувшейся от ворот Ленке.

«Служи, Мышонок, служи...»

Она и служит, вот уже двадцать лет как служит! С того самого дня, как Инка впервые привела к ним в общагу своего жениха Арсюшу, высокого улыбчивого парня с яркими серо-голубыми глазами, пронзительными и завораживающими. Странное что-то случилось с Машей в тот вечер их первого знакомства. Даже и влюбленностью это нельзя было назвать. Скорее гипноз какой-то, ступор, полная блокировка сознания. В присутствии этого парня она терялась совершенно, сама себе казалась похожей на желе, не управляла ни мыслями, ни собственными желаниями, не видела, не замечала никого вокруг... А без него просто умирала. Он полностью проник в ее суть, занял собой все ее личное человеческое пространство. Потребность видеть его, слышать его голос со временем превратилась в зависимость сродни алкогольной или, хуже того, наркотической. Нет, она вовсе ни на что не претендовала. Как можно было – рядом с красавицей Инной? Даже зависти-ревности не испытывала. Была ли это любовь? Да, наверное, это была любовь. Такая вот. Добровольно безответная. Ничего она с собой не могла сделать. Пробовала, конечно, освободиться, и даже замуж за Семена вышла, и Варьку родила...

А теперь что? Теперь приходится Иннину с ней бесцеремонность героически терпеть. Куда ж денешься? Приходится называться подругой, хотя никакой дружбой тут никогда и не пахло.

Тогда, двадцать лет назад, перепуганную насмерть Инну привела к ним в общежитскую комнату Ленка, отбив ее у компании сильно подвыпивших пятикурсников. Ночью, проходя по длинному коридору, услышала за одной из закрытых дверей возню, сопровождавшуюся истерическими женскими криками, и, не раздумывая, с размаху вышибла ногой дверь, ворвалась вихрем, как заправская героиня крутого боевика, ничего не видя вокруг себя, отчаянно работая кулаками. И потом тоже все было как в кино: и восхищение спасенной от позора Инны, и пожизненная благодарность ее родителей, не без помощи которых детдомовке Ленке удалось попасть в коллегия адвокатов, и ужас протрезвевших пятикурсников... С тех пор и началась эта странная дружба: Ленка с удовольствием общалась с ними обеими, Маша терпела Инну... А Инна разрешала ее терпеть, даже не давая себе труда скрывать раздражение. А что? Наверное, очень удобно всегда иметь под рукой девочку для битья, тихую серую мышь, выплескивать на нее свою помойку, зная, что настоящего отпора не последует.

От скрипа лестничных ступеней за спиной что-то бухнуло и дернулось у нее в голове, где-то между глаз, как бухает и дергается вот уже двадцать лет...

Арсений. Маша торопливо развернулась ему навстречу, и губы сами собой растянулись в счастливой глупой улыбке. Арсений! Хорош, как всегда. Зачесанные волной назад пшеничные волосы, острый как бритва взгляд ярких серо-голубых глаз, невозможной белизны рубашка с короткими рукавами, чуть кривоватые крепкие ноги. Руки в карманах брюк, запах дорогого одеколona тугий волной...

– Доброе утро. Ты завтракать будешь?

– Нет, Мышь, некогда мне...

– А кофе? – уже в спину ему отчаянно крикнула Маша.

– Все, Мышь, меня здесь нет! До завтра! – донеслось до нее уже с крыльца.

Он быстро заскочил в стоящий у ворот новенький синий «фольксваген», сорвался с места, оставив после себя легкое облачко пыли на уже просохшей от дождя дороге. Маша стояла, смотрела вслед, медленно приходя в себя. Уехал. Стало быть, и ей больше здесь нечего делать. Вон, аккурат и Ленка с Инной после купания возвращаются. Надо попрощаться и уезжать.

– Мышь, а куда это он так рванул? – спросила подошедшая Инна. – Сегодня же выходной...

– Не знаю. Ничего не сказал.

– Ой, девчонки... Вам не кажется, что он вообще в последнее время не в себе? – плюхнулась Инна в маленькое плетеное креслице. – Сдается мне, бабу завел! Мышь, ты ничего не слышала такого на фирме?

– Нет, не слышала...

– Господи, никакого от тебя толку нет! Не видела, не слышала, не знаю... Амеба! У тебя ж свой интерес должен быть!

– Какой? – испуганно развернулась к ней Маша.

– А такой! Вот не дай бог свалит Арсюшка к другой бабе, молодой и красивой, и она быстренько уберет с фирмы всех подруг бывшей жены!

– Как это – свалит? Ты что, Инна?!

– Да шучу я, шучу. Ишь как перепугалась! Не дам я ему свалить. Что я, дура, что ли? Костями лягу... Я ж классическая бездельница, любительница копченой колбасы, и ни на какую овсянку мне уже никогда не пересест. Фу, даже думать об этом не хочу! Чур меня, чур...

– Мышонок, дай пожрать чего-нибудь! С голоду умираю! – заныла Ленка, заходя на кухню.

– Да ты ж недавно ела! – удивилась, как обычно, Маша.

– Ну и что! Ты ж знаешь, я всегда есть хочу...

Действительно, есть Ленка хотела всегда, в любое время суток. Особыми вкусовыми пристрастиями не страдала, ела, как говорится, все, что не приколочено, оставаясь при этом на удивление стройной. И красотой ее Бог тоже не обидел. Все было в ней пропорционально и правильно: большие распахнутые глаза, прямой носик, классической формы губы приятным бантиком. Только обаяния, женского, настоящего, не было. Тонкого шарма, приятной ленивой грациозности. Отсутствовали в ней все эти прелести напрочь. Выбиты были в детдомовских драках, уничтожены в борьбе за выживание, за кусок хлеба, за возможность жить той сытой и красивой жизнью, которая грезилась ей ночами в огромной интернатской спальне на двадцать железных коек. Зато всего этого было вдоволь в капризной балованной Инне – и шарма, и обаяния, и барской ленивости. «Странно, почему же меня-то природа ничем таким не наградила? – думала Маша, глядя на подруг. – Вроде я тоже не в детдоме росла... Серая мышь, она и в Африке, наверное, серая мышь...»

Ей снова захотелось уехать. Домой, в свою квартиру, где вот уже второй день хозяйничала Варька, их с Семеном дочь, готовясь к очередному школьному экзамену. И вообще, скоро выпускной вечер, а у девчонки даже платья нет! И куда она будет поступать, они еще не решили... Вот и Семен показался во дворе. Очень кстати.

– Семен, собирайся, поехали! – крикнула Маша в открытое окно кухни.

– Мышь, ты что, очумела? День только начинается! А кто баню топить будет? Мы ж вчера в баню собирались! – возмутилась Инна неожиданным поворотом событий.

– Маш, не забудь, в следующий выходной едем к моему Овсянке! Я тебе позвоню! – спокойно проговорила Лена, глянув, как всегда, с укоризной на Инну.

– Мышь, в чем дело? Ты куда не поедешь! Пусть Семен уезжает, тебя потом Ленка отвезет! – продолжала капризно требовать Инна.

Под ее причитания она быстро собралась, расцеловалась с Ленкой, махнула на прощание им обеим рукой и села в машину к сердитому Семену.

– Даже поесть не дала... – пробурчал он тихо, себе под нос.

– Ничего, Сема, дома поешь... Не сердись!

– Да я не голодный! Просто непонятно, Маш, зачем мы сюда ездим? Не нравится мне все это. Давно тебе говорю – давай свою дачу купим! Эта стерва обращается с тобой как со служанкой, а ты терпишь! Почему? Ты же в сто раз умнее и красивее ее!

«Ну да, красивее, – усмехнулась про себя Маша. – Я для тебя с первого класса всех красивее и всех лучше. Как сел со мной за одну парту, так и не отошел ни на шаг больше!»

В их поселковой школе Семен Ильин слыл первым хулиганом и двоечником. Даже на первый взгляд классически соответствовал хулиганскому образу: рыжие вихры его задорно торчали в разные стороны, крупные веснушки горели яркими огоньками на облупленном носу, ворот рубашки был вечно помят и распахнут до неприличия ввиду отсутствия пуговиц, потерянных в отчаянных драках. «Кто к Машке Серовой близко подойдет – в глаз дам!» – предупредил Сема всех потенциальных соперников. Хотя никто на нее особо никогда и не покушался. Кому интересна тихая серая мышка, зубрилка, отличница и скромница, мамина дочка да бабушкина внучка?

«Машенька, а вдруг он и в самом деле не даст хорошему парню к тебе подойти?» – сокрушалась мама. «Да ладно тебе, Оля... – успокаивала ее бабушка. – Ильины семья справная, крепкая... Они все по молодости драчуны да вояки, а потом ничего, все в люди выходят... Дай бог, и у Семки с Машенькой все сладится!»

Оно и «сладилось», как напороочила бабушка. Через месяц после Инниной свадьбы Маша, отпросившись в деканате на неделю «по семейным обстоятельствам», заявила неожиданно в свой поселок. «Так ты жениться на мне будешь или нет?!» – ошарашила она в первый же вечер Семена, почти уже потерявшего надежду на Машины руку и сердце после ее поступления в институт. «Буду, конечно... А когда?» – «Завтра! Завтра же пойдем и распишемся... А свадьбу через два месяца сыграем, когда я на каникулы приеду!»

А потом были и свадьба, и белое платье, и крики «Горько!», и деревенское гулянье, растянувшееся на целую неделю. Семья у Семена действительно оказалась «справной», права была бабушка. Сложились Ильины родители, братья и сестры, бабушки и дедушки, купили молодым квартиру в городе, чтобы не жить им порознь, пока Маша учится в своем таком хорошем престижном институте. И насчет Семена мудрая Машина бабушка не ошиблась. Он быстро нашел в городе работу – его взяли слесарем в автосервис. Со временем заимел он и свою постоянную клиентуру, стал зарабатывать прилично. А вскорости и Варька на свет появилась...

Живи да радуйся, Мышь серая, чего тебе еще надобно! Забудь про Копченую Колбасу, ешь себе Овсянку с хреном! Так нет, не получается... Ни себе счастья, ни Семену, ни Варьке...

Маша потянулась последний раз, выползла из-под одеяла, нехотя встала с постели. Почему по утрам бывает так тяжело на душе? Пробуждение, оно ж радостным должно быть, душа петь должна во все горло, а она вместо этого капризничает, хмурится, все ей не так... Может, гимнастику сделать? Или педали на тренажере покрутить? Нет, не хочется...

Она долго стояла под прохладным душем, подставив лицо под упругие струи, смывала с себя остатки сна, где, как обычно, присутствовал он и только он, Арсений, в разных вариациях, ситуациях, ипостасях и образах. Интересные ей иногда снились сны. Там была у нее другая жизнь, недоступная, почти фантастическая. Счастливая, одним словом. А жить-то, просыпаясь, надо этой жизнью, здесь и сейчас...

– Мам, а сегодня пойдем платье покупать? Выпускной через неделю уже! – встретила ее вопросом Варька, сидя за кухонным столом и старательно намазывая тончайший слой масла на маленький кусочек бородинского. Маша подошла, поцеловала ее в рыжую макушку, села напротив.

– Доброе утро, дочь. Ну что ты мучишься, возьми нормальный кусок, намажь хорошенько маслом! Ты ж этих малюсеньких кусочков все равно десяток за утро уплетишь! Только обманываешь себя... Кто тебе сказал, что ты толстая?

– Да твоя подруга драгоценная сказала, тетя Инна Ларионова!

Варька соскочила со стула, изогнулась в причудливой позе, пытаясь изобразить Инну, жеманным голосом произнесла:

– Варюша, ты знаешь, в твоих веснушках что-то есть... Если б ты не была таким колобком, что-то из тебя и можно было бы сотворить...

Потом быстро села на место, отправила целиком в рот свой миниатюрный бутерброд. Прожевав, громко сказала:

– Все! Больше есть не буду!

– Варенька, так нельзя... Ты совсем не толстая, поверь мне! Просто у тебя кость широкая, как у папы, а жира лишнего ни грамма нет! Ты ж у нас сама по себе – яркая индивидуальность! Таких шикарных темно-рыжих волос ни у одной женщины на свете нет, уж поверь мне! И таких ярко-синих глаз ни у кого нет! А в сочетании с твоими веснушками знаешь как это смотрится? Полный улет! А если похудеешь, глаза будут голодными, злыми, несчастными... Да тетя Инна тебе просто завидует черной завистью, а ты и повелась, дурочка!

– Ну и ладно, ну и убедила!

Варька быстро намазала маслом большой кусок хлеба, положила сверху сыр, кусок колбасы, ломтик лимона и с упоением впилась зубами в толстый бутерброд, тихо рыча от удовольствия.

– Ты моя умница! – Маша, смеясь, допила кофе, уже на ходу чмокая дочь в веснушчатый носик. – Все, Варюша, меня здесь нет!

– А платье?! Платье пойдем покупать?

– Позвони мне в конце дня, договоримся!

Июньское утро встретило щебетом птиц, приятной прохладой. Как хорошо, что на работу можно ходить пешком! Целый час неторопливой ходьбы по утреннему городу – что может быть лучше! Да еще прибавить к этому удовольствию радостное предвкушение счастья – сейчас, сейчас она увидит его... Ничего, все нормально! Можно сказать, жизнь состоялась. Все замечательно, серая мышь, вперед!

В пустом кабинете тихо работал кондиционер. Компьютер за Аркашиным столом был включен, и даже текст документа – его вчерашнего задания – был наполовину набран. Молодец мальчик! Поначалу, когда Арсений привел Аркашу ей в помощники, она было возмутилась: сама не сильно загружена, да и не понравился он ей... Потом выяснилось, что папа его – знакомый Арсения. То ли одноклассник, то ли друг детства. «Понимаешь, Мышь, не мог я ему отказать! Сейчас молодым на работу практически не устроиться, юристов черт знает сколько наштамповали! Плюнешь на улице – в юриста попадешь... – объяснял ей свой поступок Арсений. – Он смысленный мальчишка, пусть поработает, опыта наберется. Может, когда и пригодится еще!» Аркаша действительно очень ей пригодился – оказался не просто смысленным мальчишкой, но и вполне интересным собеседником, обладающим тонким чувством юмора и забавной доморощенной склонностью к психоанализу.

А кстати, где он сам-то, Аркаша? Опять, наверное, около Алены сидит...

Маша прошла в приемную, открыла дверь. Так и есть. Сидит. Ох уж эта девица! Нашла себе в лице мальчишки благодарного созерцателя. Возложила одну скульптурную ногу на другую и медленно поворачивается перед ним на крутящемся стуле, опираясь на высочен-

ную шпильку. Белоснежная блузка, юбка почти по самое ничего... Красота, черт ее подери! Чересчур белокурые волосы тщательно уложены в мудреную косу, которая, как маятник, раскачивается за спинкой стула в такт ее плавным движениям. «Ничто так не красит женщину, как перекись водорода!» – вспомнила Маша Аркашиного производства шутку в адрес Алены. Да уж, с белокуростью Алена явно перебрала. В глаза бросается. Зато пухлые губы наверняка свои, родные. Чувственно тронутые блеском, изогнулись в усмешке. И красивые наглые глаза снисходительно прищурены. «Кокетка, мать твою! Моя Варька в сто раз тебя интереснее...» – вежливо улыбаясь, успела подумать Маша, подходя к Алениному столу.

– Доброе утро, молодые люди! Арсений Львович на месте?

Алена медленно развернулась к ней на своем крутящемся стуле, окинула с головы до ног наглым взглядом. Оценила, стало быть. Но ничего не успела ответить – дверь в кабинет Арсения резко открылась. Маша отпрянула, увидев его бледное злое лицо.

– Зайди! – рявкнул он ей.

Тут же, развернувшись, пошел в глубь кабинета.

– Почему у тебя Аркадий без дела шатается? – накинута на Машу, как только она закрыла дверь. – Уволю к чертовой матери! Ты что, без него не справляешься? Молокосос!

– Арсений, но ты же сам его привел... – растерянно залепетала Маша. – Он хороший мальчик и вовсе нигде не шатается... А что в приемной сидит – так он же интересный парень, и Алена ему нравится. Дело молодое...

Лица его она не видела. Арсений стоял у окна, держа сжатые кулаки в карманах брюк, медленно покачивался с пятки на носок. Молчал. Потом медленно произнес:

– Ладно, Мышь, иди к себе... Извини.

Маша вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Аркадия в приемной уже не было. Алена сидела в прежней своей позе, красиво возложив ногу на ногу. Чуть улыбаясь уголками рта, смотрела на Машу. От ее насмешливо-наглого взгляда стало не по себе, захотелось поскорее уйти. «Тоже мне, Шерон Стоун... И почему я всегда теряюсь, когда на меня так смотрят? Сбегаю с поля боя, побросав все знамена...» – с досадой думала Маша, медленно подходя к дверям своего кабинета.

Аркаша сидел за столом, близоруко уткнувшись носом в экран монитора, пальцы его проворно бегали по клавиатуре.

– Почему очки не носишь? – проходя мимо, бросила Маша. – Выпендриваешься, что ли? Не видишь же ни фиги...

– Что надо, увижу.

Маша прошла к подоконнику, нажала на кнопку чайника, достала из шкафчика банку с растворимым кофе, две большие одинаковые кружки.

– Давай кофейку дернем, Аркаш... Что-то мне плохо после твоей Алены. От нее волны какие-то агрессивные идут. Красивая девка, только почему злобная такая?

– Потому и злобная, что красивая.

Аркаша встал из-за стола, присел в низкое кресло за маленьким журнальным столиком.

– Какая связь? – удивленно уставилась на него Маша, наливая кипяток в кружки с кофе.

– Понимаете, Марь Владимирна, если женщине природа дала красоту, она, эта женщина, абсолютно искренне считает, что в придачу ей автоматом полагается абсолютно полный набор всяческих материальных благ. А если этих благ у нее на данном этапе нет, то в этом оказываются виноваты все окружающие, в том числе и вы.

– А чего ей не хватает? Говорят, она из хорошей семьи и бабушка у нее генеральша какая-то...

– Да врет она все! Про семью не знаю, может, она у нее в родной Мордоплюевке и впрямь хорошая, а здесь у нее точно никого нет. Комнату снимает где-то на окраине.

– Как – комнату снимает? У нее ж местная прописка есть, я сама видела, когда документы проверяла!

– Так она купила прописку у той самой генеральши, которую за свою бабушку выдает. Без прописки даже на швейную фабрику сейчас не устроишься, не то что в приличную фирму. А ей непременно надо в приличную, чтоб и шеф был приличный, и состояние у него соответствующее, и сам из себя ничего, не совсем дряхлый старичонка... Вот наш Арсений Львович, например, полностью всем параметрам соответствует.

– Ты что, хочешь сказать, что она на него глаз положила?

– Ну, вы даете... Все уже знают, одна вы на белом облаке сидите. Хотя правильно, вы ж подруга его жены... А жены о таких вещах узнают, как всегда, последними. Она и меня-то разводит только для того, чтобы шефа позлить, ревность вызвать. Все белыми нитками шито.

– А зачем ты, как лох последний, ведешься, если все понимаешь? Сидишь около нее целыми днями? Нравится она тебе, что ли?

– А она всем нравится. От нее одуряющий аромат стервозности идет. На мужиков действует, как валерьянка на котов.

– А ты бы на ней женился, Аркаша?

– Да на фиг я ей сдался, я ж параметрам не соответствую. У меня и фирмы своей пока нет...

Аркаша замолчал, понуро рассматривая пустое дно кружки. Маша тоже молчала, так и не притронувшись к своему кофе. Внутри у нее все окоченело от страха, даже горло сдавил сильный спазм, будто по нему провели чем-то холодным и шершавым. «Какая я слепая, боже мой... Опасность созрела прямо на моих глазах, а я ничего и не заметила. Он же месяц уже такой ходит. Хмурый и злой. Я думала, он просто устал...»

Она заставила себя встать, села за свой стол, задумалась. Да нет, не может быть... Аркаша просто влюбился в эту красивую девчонку, вот и мерещатся ему счастливые соперники. Арсений любит Инну, всегда любил. Она это точно знает. И давно уже к этому знанию привыкла. И приняла его в себя навсегда. Привыкла к своей бедной однобокой любви, приспособилась, смирилась... И вот на тебе! Нет, Алену ей уже не пережить...

Она сидела, тупо уставившись в бумаги, прислушиваясь к нарастающей пульсирующей боли в затылке, переживая сильнейшее, настоящее по глубине эмоций предательство по отношению к себе. Предательство, которого нет.

«Чего ты хочешь, мышь серая... – нашептывало ее собственное, поселившееся много лет назад и уже основательно в ней прижившееся унижение. – Насобачилась за столько лет прятать, скрывать свое чувство, греться своей однобокой мышьиной любовью около чужого счастья. Привыкла она, видишь ли!»

Весь день она автоматически что-то делала, отвечала на звонки, подписывала, не глядя, какие-то бумаги, даже обедала, не понимая, что ест, и зачем вообще нужно есть, зачем улыбаться коллегам и что-то говорить, и зачем вообще жить... К концу дня, поднеся к уху телефонную трубку, не сразу узнала голос дочери:

– Какое еще платье, Варя! Я на работе, не мешай мне...

И тут же, словно опомнившись, быстро затараторила, гася Варькино готовое прорваться слезами возмущение:

– Ой, Варечка, конечно! Все, бегу-бегу! Ты где? Да, на скамье в том сквере... Знаю! Сиди там, я быстро! Я уже почти с тобой! Сейчас отпущусь только!

Маша быстро дошла до приемной, целенаправленно двигаясь в кабинет Арсения. Отметила краем глаза пустующее Аленино кресло. Тихо открыла дверь и замерла на пороге.

Арсений стоял к ней спиной, нежно и крепко обнимая Алену, чуть раскачиваясь из стороны в сторону. Красивая головка девушки, прижатая его большой рукой, уютно устроилась между его плечом и шеей. В этом его раскачивании было что-то интимное, трогательное, будто

он держал в руках любимого ребенка, которого надо успокоить, пошептать на ушко всякую всячину, подуть на ушибленное место...

Маша тихо закрыла дверь, медленно вернулась к себе. Внутри все ныло, и вовсе не белой завистью, а самой настоящей, черной, жгучей, едкой, как серная кислота. Она рассеянно огляделась, ища сумочку. Надо бежать.

Не попрощавшись с Аркашей, который удивленно на нее таращился, она выскочила на улицу, яростно махнула рукой, подзывая такси.

– Что-то случилось, мам? Все в порядке? – тревожно спросила Варька, когда она плюхнулась рядом с ней на скамью в сквере. – У тебя такое лицо...

– Все хорошо, Варюша, я просто устала. Ну, vedi! Пойдем покупать тебе самое красивое платье!

Говорят, шопинг отвлекает женщину от любых проблем. Ерунда какая. Хотя... Глядя на счастливое Варькино возбуждение, она действительно отвлеклась. Потому что это было зрелище! Модельной походкой выходя из очередной примерочной, она так сияла глазами, требуя немедленного одобрения, что поневоле залюбуешься и начнешь от души одобрять, оценивать и советовать. Несмотря на то, что от мелькания пестрых тряпочек, поясков, бусиков и шарфиков давно уже кружится голова и рябит в глазах. Правда, советчица из нее получилась никудышная. Ей нравилось абсолютно все, что бы ни надела Варька. Дочка же, любимая! Та самая душенька, которая во всех нарядах хороша!

Да и как советовать, когда сама она в моде совсем не разбирается? То есть воспринимает одежду не как определяющий женскую суть фактор, а как некую жизненную необходимость, соответствующую случаю: в гардеробе надо иметь пару строгих костюмов для работы, выходное нарядное платье и комфортную спортивную одежду для прогулок и дачных уик-эндов. А остальное – зачем? Для мелких и суетных страданий? Как у той же Инны, например, которая, округлив от ужаса глаза, рассказывала ей о своем «позоре» – боже-боже мой, ее видели в общественных местах дважды в одном платье! Катастрофа общечеловеческая! В чем состоит этот самый позор, до нее ну никак не доходило, хоть убей. Да и действительно, что с нее возьмешь, с серой мыши? Хватает ей для жизненного комфорта обычной серой шкурки, а большего, видимо, и не дано понять... Не развито в ней чувство вкуса к одежде, не привито с детства ни мамой, ни бабушкой, сельскими учительницами, вырастившими ее в полном отсутствии в семье мужей и дедушек.

– Главные достоинства женщины – ее душа да умная голова, – говорила бабушка, наблюдая за Машей, подолгу разглядывающей свое отражение в зеркале, – кто душу разглядит, тот и счастлив будет! А все остальное, внученька, – так, мишура, сорочий обман...

– А вдруг мою душу никто не разглядит, бабушка? – пугалась Маша, надевая на школьный вечер свою обычную белую блузку со строгим воротничком и стягивая собранные на затылке волосы желтой аптекарской резинкой.

– Не бойся! Кому суждено – тот разглядит! А кто, как сорока, на блестящее падок, тому и душа твоя без надобности.

– А почему тогда мамину душевную красоту никто не разглядел?

– Не судьба, значит... И мамину не разглядели, и мою тоже...

– А кто мой отец, бабушка?

– Не знаю. Мне твоя матушка ничего тогда про него не сказала. Приехала на каникулы – уже беременная была, институт пришлось заочно оканчивать... Только потом призналась, что твой отец и не знает даже, что ты у него есть! Она сама так решила: если не смог полюбить – пусть и про ребенка не знает! Грех-то какой на человеке... Любила она его сильно, Машенька. По-моему, и до сих пор любит... А твою красоту обязательно разглядят, не сомневайся! Вон Семка Ильин – так и вьется вокруг! Сумеет разглядеть – счастлив будет, и тебе за его счастье воздастся, уж поверь мне...

– Мам, посмотри! – вывела ее из задумчивости Варька, остановившая наконец свой выбор на открытом легком платье нежного бирюзового цвета, который изумительно шел к ее рыжим волосам. Маша посмотрела на ценник, брови ее от удивления автоматически поползли вверх. Ничего себе... Нет, для Варьки ей не жалко было никаких денег, надо так надо... Просто странно осознавать, как это стоимость маленькой шелковой тряпочки может быть соизмерима с двумя ее месячными зарплатами. А платил ей Арсений очень щедро! Иногда даже неловко было получать эти деньги: ей казалось, что она их и не заработала вовсе...

Он вообще никогда не был ни жадным, ни расчетливым. Казалось, он вообще не считает денег. Любой сотрудник его фирмы мог запросто попросить у него и материальную помощь, и ссуду. И подарки Арсений всем любил дарить самые что ни на есть шикарные, неожиданные, причем делал это с видимым удовольствием. И радовался, как мальчишка, наблюдая за искренним восторгом одаряемого. «Нет, совсем губа не дура у этой провинциальной стервочки, нашла кого охмурить, – думала Маша, наблюдая за суетой продавщиц обувного магазина, где Варька примеряла уже десятую пару туфель. – Девочка сделала абсолютно правильный выбор...»

– Мам, я правильный выбор сделала, как ты думаешь? – услышала она голос дочери. Варька стояла перед ней, держа на весу изящные белые туфельки с открытой пяткой.

– Да, Варюша, ты сделала абсолютно правильный выбор, – отрешенно улыбаясь, ответила Маша.

Дома их уже поджидал Семен с горячим ужином, с бутылкой сухого красного вина. После ужина они сидели на диване, одинаково умильно улыбались, глядя на свое рыжеволосое крутящееся перед зеркалом чадо в шикарном дорогом платье. «Вот оно, счастье... Руками потрогать можно. Живи, как говорится, и радуйся. А на душе не только кошки скребут, там еще и камни тяжелые ворочаются, и черный дождь вперемишку с пеплом шуршит не переставая...» – думала Маша, мысленно возвращаясь в пережитое. Вот она открывает дверь, видит Арсения, баюкающего в руках Алену. Вот он сильно и нежно прижимает ее голову к плечу...

– Маш, ты болеешь, что ли? – услышала она участливый голос Семена. – У тебя глаза какие-то сильно температурные. Или устала? А может, давай в отпуск махнем? На недельку, а, Маш? Пока у Варьки вступительные экзамены не начались? А с Сенькой я сам договорюсь...

– Не смей никогда называть его Сенькой! Какой он тебе Сенька? Я же просила тебя! Я же как человека тебя просила!

Неожиданно для себя Маша истерически расплакалась, закрыв лицо руками и бухнувшись в диванную подушку. И никак не могла остановиться, чувствуя, почти физически ощущая стыд от своих слез, от обескураженности мужа и дочери, растерянно застывших над ней в нелепых позах.

– Варька, валерьянку неси! – скомандовал наконец Семен. Смешно подогнув колени и неловко ковыляя на высоченных каблуках, Варька бросилась на кухню, загремела попавшимся на пути стулом.

– Пап, да нет у нас никакой валерьянки! – испуганно прокричала она уже оттуда.

– Тогда просто воды принеси!

Выватив у подбежавшей дочери стакан, Семен набрал полный рот воды и, смешно вытаращив глаза, изо всех сил брызнул на Машу. Вздвогнув, она мгновенно перестала плакать, испуганно уставилась на мужа:

– Ты что, с ума сошел?

– Так растерялся я... Ты ж раньше никогда так не плакала.

– А водой-то зачем?

– Да нормально! Нас с братьями в детстве бабка всегда так лечила. Подойдет неожиданно да ка-а-ак брызнет!

– Ну уж... Не знаю, как насчет лечения, а заикой на всю жизнь человека можно оставить! – уже со смехом сказала Варька, стряхивая с нового платья прилетевшие редкие брызги.

Они посмеялись еще втроем, потом попили вместе чаю с тортом, беззлобно переругиваясь на тему очередности мытья посуды. Вспомнив удачно и к месту про «морской закон», Маша с Варькой быстро выскочили из-за стола, торжественно нацепили на Семена фартук и ушли спать.

Маша заснула в то же мгновение, как голова ее коснулась подушки. «Хорошее успокоительное придумала Семенова бабка... – успела подумать она, засыпая. – Завтра трудный день, надо будет все рассказать Инне... А может, с Ленкой сначала посоветоваться? Ладно, утро вечера мудренее...»

Она уже не слышала, как в спальню вошел Семен, не видела, как долго смотрел на нее, спящую, как переливались в его рыжих глазах любовь и тревога, вместе взятые...

– А может, тебе все-таки показалось, Мышонок? Ну подумай, приобнял шеф секретаршу... Да я тебе сколько угодно анекдотов расскажу на эту тему! – рассуждала Ленка, поедая уже третью отбивную подряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.